

Глава 753: Зеленые сливы и огонь печи

Ань Хуа заметила эту пару музыкантов из отца и дочери, потому что заметила несколько довольно странных деталей.

На мужчине было довольно старое одеяние, на котором не было никаких признаков, что его часто стирали, но оно было невероятно чистым. Еще более странным было то, что хоть на улице шел снег и улицы стали размазней, обувь на его ногах не была затронута этим, выглядя совершенно новой.

То же самое можно было сказать и об элегантной девочке. В ней не было чувства необычной робости или самосожаления, которое было у обычных девочек-музыканток. Она просто тихо сидела в углу с немного тусклыми глазами, приподняв голову. Холодное безразличие в ее глазах, которое также можно было понять, как презрение ко всему вокруг нее, заставляло ее казаться отстраненной от мира.

Это не была обычная пара музыкантов, по крайней мере не та, которую обычно можно встретить повсюду.

Ань Хуа как раз думала об этих словах, когда послышался звонкий и трогательный звук цитры от пальца ученого средних лет, и прежде, чем он растворился в воздухе, последовало больше нот, как журчание ручья.

За этим последовало пение девочки. Ее голос был приятным на слух, хоть и немного необычным. На последнем слоге ее язычок немного загибался, как будто желая проглотить этот последний слог, но ее слова из-за этого не казались неясными, а ее пение не казалось скучным или нудным. Наоборот, она казалась бесподобной красавицей за занавесом из бусин.

Ань Хуа жила в столице много лет и слышала множество чудесных песен, но она никогда не слышала такой песни ранее. Она к своему удивлению потеряла себя в песне, вмиг забывая о странностях, которые подметила ранее.

Когда песня закончилась, на втором этаже таверны очень долгое время царила тишина, пока толпа не вспомнила, что нужно аплодировать и хвалить их. Аплодисменты и слова благодарности не были особенно пылкими, но это не было связано с тем, что толпе казалось, как будто отец и дочь плохо выступили. Скорее, все присутствующие, включая Ань Хуа, находили эту навязчивую мелодию незабываемой, так что даже забыли поаплодировать.

Отец и дочь не встали, чтобы поклониться или выразить свою благодарность, даже не попытались брать деньги. Они просто тихо сидели в углу комнаты.

Отец поправлял струны цитры, а девочка оставалась невыразительной.

Ань Хуа приказала своим служанкам привести девочку, желая задать ей несколько вопросов.

Девочка проигнорировала ее просьбы, продолжая выглядывать за окно. Ее глаза были расфокусированы, из-за чего было трудно сказать, на что она смотрела.

Ань Хуа было немного грустно, но учитывая ее теплый характер, она не считала, что была отвергнута. Она позвала официанта таверны и задала несколько вопросов, обнаружив, что эта пара музыкантов только прибыла в Деревню Гаоян вчера. Отец был нем, а у девочки тоже было несколько проблем. По-видимому, у нее была какая-то странная болезнь.

Ань Хуа встала и подошла к углу. Она улыбнулась в приветствии немому игроку на цитре, а затем присела рядом с девочкой и взяла ее руку.

Она была учителем Тринадцати Отделений Зеленого Сияния, так что была невероятно опытна в технике Священного Света и медицинских навыках. Просто взяв ее руку, она уже начала измерять пульс девочки. Когда она почувствовала пульс пальцами, ее лоб сморщился. Она осознала, что с этой девочкой действительно была проблема, и это была очень сложная проблема, которая, вероятно, уже нанесла серьезный ущерб морю сознания девочки.

Она подняла голову, глядя на девочку.

Девочка все еще выглядывала за окно.

Взгляд Ань Хуа изучал ее профиль.

Кроме того, что ее глаза были на немного большем расстоянии, с ее лицом не было проблем. Она очень хорошо выглядела; ее даже можно было считать изумительно прекрасной.

Действительно жаль, что такая прекрасная девушка была немного умственно отсталой.

Ань Хуа почувствовала глубокую симпатию к ней. Она вынула кошелек из рукава, намереваясь тайно передать его девочке.

В этом кошельке было несколько серебряных монет.

В этот миг девочка отвернулась от окна и посмотрела на Ань Хуа.

Прошло несколько секунд с того момента, как Ань Хуа взяла ее руку. Реакция девочки действительно была немного медленной.

Но Ань Хуа больше не думала об этом, или, возможно, лучше будет сказать, что она уже не смела думать об этом.

Потому что она увидела глаза девочки.

С такого близкого расстояния она наконец-то поняла, что глаза девочки были не тусклыми, а спокойными.

Вокруг нее была аура не отстраненности, а высокомерия, глубоко укоренившегося в ее костях.

Кроме дрейфующего снега ничто в этом мире не могло встревожить ее сердце, нарушить ее спокойствие.

Увидев глаза девочки, Ань Хуа вдруг почувствовала, как будто весь снег снаружи устремился внутрь, пронзая ее одежду и плоть, падая прямо в ее море сознания.

Это было подобно траве, встречающей безграничную снежную бурю, муравью, встретившему гиганта.

Ее тело замерло, становясь невероятно холодным. Она даже не могла пошевелить пальцем.

Ее море сознания как будто было на грани замерзания, что она вот-вот бесшумно умрет.

В этот миг девочка заметила кошелек в руке Ань Хуа.

Девочка медленно кивнула настолько скрытым движением, что его будет невозможно заметить без внимательного наблюдения.

Она развернулась и еще раз выглянула за окно.

Бешеный снежный шторм прекратился, гигант, безразлично смотревший вниз, исчез, и Ань Хуа наконец-то почувствовала тепло реального мира.

Ее тело более не было замершим. Оно могло двигаться, так что она больше не смела оставаться. Она забрала своих служанок и быстро направилась вниз.

Спустившись на первый этаж таверны, она осознала, что ее одежда полностью промокла в поту.

.....

.....

.....

.....

Ань Хуа никому не говорила об этом: ни генералу, ведущему группу, ни стюарду Священного Госпиталя Яну. Потому что у нее было интенсивное понимание, что она почти обнаружила какой-то секрет и умерла. Так как она все еще была жива, она могла продолжать относиться к этому, как к тайне.

Это было невысказанное требование девочки.

Когда она вернулась на задний двор и услышала, как генерал говорит, что лучше всего будет выдвинуться прямо сейчас, ее страх не позволил ей перечить, и она только задала несколько вопросов.

«Конкретное расположение было подтверждено?»

«Штаб отправил людей на разведку источника ингредиентов на два дня. Оно должно быть верным».

В Деревне Гаоян был лекарственный магазин, и судя по отчетам разведчиков, многие ингредиенты были транспортированы в магазинчик, а затем их транспортировали из города посреди ночи в неизвестном направлении. Было очевидно, что хозяин Киноварной Пилюли выбрал Деревню Гаоян, потому что транспортировка была удобной, и он мог получить любую траву или требуемый ингредиент.

После полудня того же дня генерал, Ань Хуа, ее служанки, Мастер Ян, несколько десятков солдат, и юный мастер массивов на носилках отправились на поиска лекарства.

Покинув Деревню Гаоян, они сошли с официальной и военной дорог, направляясь глубже в горы, где путь постепенно покрывался снегом. Хотя дорога больше не была грязным месивом, по ней все еще было так же трудно идти.

Чем глубже они направлялись в горы, тем более тихими и прекрасными становились их окружения. Среди сосен был виден поднимающийся туман горячих источников.

Если бы не война, это место стало бы известным туристическим местом.

Тепло сумерек полностью исчезло, и темнота опустилась на землю. Группа под звездным светом с трудом продвигалась вперед. В какой-то миг они достигли своей цели.

Глубоко в горах был маленький дворик. Во дворе изгибался ручей воды, из которого поднимался пар. Он, вероятно, был проложен из горячего источника.

Из-за теплоты земли область вокруг маленького внутреннего двора была наполнена жизнью даже зимой. Так близко к водам горячего источника природа принимала внешний вид четырех времен года.

Вдоль стены внутреннего двора был участок с луком и бамбуковый лес. Перед двором цвели цветы, а деревья, сбрасывающие свои листья, росли перед окнами в воде полуарки.

Конечно же, большая часть области была в хватке зимы, как маленькое покрытое снегом озеро.

На снежном озере был павильон, прикрытый занавесками. Внутри были смутно видны фигуры двух людей.

Порыв ветра поднял занавес.

В павильоне была печь, и несколько ветвей сливы служили в качестве топлива.

Мужчина и девушка сидели друг напротив друга с печью между ними.

У девушки было детское лицо, она была одета в черное и излучала ауру холода.

Мужчина был довольно юным, а его глаза - ясными.

Ни снег, ни сливы не могли сравниться с их чистотой.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/237648>